

Н.К., БЫВШИЙ КАТОЛИК, США (ЧАСТЬ 4 ИЗ 5)

Оценка: 5.0

Описание: Католик, отрекшийся от своей веры и увлекшийся философией, не найдя ответов на свои вопросы принимает ислам. Часть четвертая: Изучение философии порождает еще больше безответных вопросов. Возникает интерес к исламским книгам.

Категория: [Статьи](#) [Истории о новых мусульманах](#) [Мужчины](#)

Авторство:: Н.К.

Опубликовано: 18 Oct 2010

Последние изменения: 09 Mar 2014

Во второй год обучения в университете Чикаго, исследуя философские моральные системы, я узнал, что в последние годы философия не смогла оказать существенного влияния на человеческую мораль и предотвратить несправедливость; и понял, что ей этого не удастся и в будущем. Я увидел, как сравнение многообразных культурных системы и обществ привело интеллектуалов к моральному релятивизму; поскольку им было не найти моральные ценности, которые бы подошли представителям различных культур; размышления, ведущие к нигилизму – мнению, которое рассматривает человеческую цивилизацию как растение: они дают ростки – разные из разных семян, цветут какое-то время и умирают.

Одни объявили это интеллектуальным освобождением. Среди них Эмиль Дюркгейм и его «Элементарные формы религиозной жизни» а также Зигмунд Фрейд с книгой «Тотем и Табу», которые рассматривали человека как пациента и диагностировали его религиозные традиции как форму коллективного невроза, которую сегодня стало возможным излечить с помощью абсолютного научного атеизма – своеобразное исцеление через науку.

На эту тему я приобрел перевод книги Юргена Хебермаса «Знание и человеческие интересы». Автор утверждал, что не существует такого

понятия как чистая наука, которой смело можно было бы доверить совершенствование себя и мира. Это недопонимание он назвал псевдонаучным. В реальном мире – полагает Хебермас – наука не лишена ценностей, хотя они не столь значимы.

Хебермас принадлежал к поколению немецких ученых, понимающих в тридцатые и сороковые года, что происходит в их стране, однако настойчиво утверждали, что живут в мире науки и занимаются интеллектуальным образованием, и что им незачем задумываться, как государство использует их исследования. Огромный вопросительный знак встал перед немецкими интеллектуалами, когда нацистская жестокость и злодеяния стали общественными после войны. Это заставило Хебермаса глубоко задуматься об идеологии чистой науки. Если что-либо и было очевидным, так это неубедительность оптимизма мыслителей девятнадцатого века, таких как Фрейд и Дюркгейм.

Я стал пересматривать интеллектуальную жизнь вокруг меня. Как и Шопенгауэр, я полагал: чем выше образование, тем выше и сам человек. Но в университетской лаборатории я застал людей за разговором о фальсификации научных данных, чтобы обеспечить финансирование на следующий год; помню выдающихся профессоров, не позволяющих записывать свои лекции на пленку из страха, что ими воспользуются соперники – исследователи в той же области, чтобы опередить их; профессоров, соревнующихся в продолжительности учебных программ... Качества, которые я привык приписывать простым грешным, казалось, встречались среди изощренных академиков отнюдь не реже, чем у рыбаков. Мы можем посмеяться над рыбаками, которые, желая похвастаться удачным уловом, маячат неподалеку от других суден под предлогом наловить еще больше, чтобы все увидели, как их лодка чуть ли не тонет под тяжестью пойманной рыбы. А ведь кандидаты наук ведут себя точно так же со своими книгами и статьями, как и рыбаки с рыбой. Я видел, что их знание не взрастило в них высоких личностей. Стало быть, секрет высшей человеческой сущности заключался вовсе не в величине их познаний.

Мне стало интересно, не дошел ли я до конца, следуя по пути философии. Она опровергла для меня христианство, поделилась

собственными идеями, и, тем не менее, оставила безответными главные вопросы. Более того, мне казалось, что это каким-то образом связано (не знаю точно, как причина или следствие) с фактом, что наша интеллектуальная традиция, похоже, уже не могла понять себя. Возьмите любого человека – философа, рыбака, мусорщика или короля, и вы увидите, что он не кто иной, как актер в драме, о которой не знает ничего. Он усердно исполняет свою роль, пока не настанет черед завершающей сцены и на замену придет кто-то другой. Мог ли кто-нибудь обоснованно надеяться на нечто большее? Я прочел «Введение в чтение Гегеля» Александра Кожева, где он объясняет, что для Гегеля философия достигала вершины не в системе, а в Мудром Человеке, способном ответить на любой вопрос с этическим смыслом.

Получалось, как будто бесподобное овладение эпохи конкретными вещами превращало нас в предметы. Я противопоставил этому гегелевское понятие о конкретном в его «Феноменологии духа». В его понимании примером абстрактного может служить ограниченное физическая реальность книги в ваших руках в данный момент. Конкретным же он называл взаимосвязь книги с большими реалиями, ставшими ее предпосылками: способ производства, определивший вид чернил и бумаги книги, эстетические нормы, продиктовавшие ее цвет и дизайн, система маркетинга и распространения, доставившие ее читателю, исторические обстоятельства, обусловившие грамотность читателя и его вкус, культурные события, содействовавшие стилю и использованию – в общем, гораздо более обширная картина возникновения книги. Для Гегеля движение философского исследования всегда вело от абстрактного к конкретному – более реальному. Поэтому он мог утверждать, что философия неизменно вела к теологии, чей объект, в конечном итоге, был реальным – Божество. Как мне казалось, это подчеркивало непоправимое упущение нашего времени. Мне стало любопытно, не отдалили ли мы себя от нашей человечности, от нашего подлинного естества в отношении более высокой реальности, материализуя нашу культуру и наше прошлое.

Как раз в этот момент я прочитал несколько книг об исламе. Среди них – книги Саида Хусейна Насра, который считал причиной многих проблем западного человека оставление божественной мудрости

нисполненной религии, которая разъяснила бы истинное положение человека как творения Бога в мире природы и научила бы уважать и любить ее. Не ведая этого, человек превратил природу в предмет потребления, что погубило его мир снаружи, оставив человека пустым внутри. Все потому, что человек не знал, почему и для чего он живет на этом свете.

Я подумал, что это могло было быть правдой, но напрашивался вопрос о достоверности исполненной религии. Все на земле, всякая мораль или религия были в одной лодке, если только кто-то не мог с уверенностью заявить, что какая-нибудь из них происходит из более высокого, авторитетного источника – единственная гарантия объективности, морального закона. А иначе, мнение одного человека имело бы ту же ценность, что и мнение другого, и мы бы пребывали в однообразном море личных противоречивых интересов, в котором никто не мог бы обоснованно возразить против сильного, пожирающего слабого.

Адрес этой статьи:

<https://webcache001.islamreligion.com/ru/articles/95>

Copyright © 2006-2015 Все права защищены © 2006 - 2023 IslamReligion.com. Все права защищены